

Театр не остался в стороне от этого явления. Именно за эти годы, впервые на русской сцене, были поставлены пьесы из еврейской жизни: «Евреи» Чирикова, «На пути в Сион» Ш. Аша, «В городе» С. Юшкевича и др.

Передовыми театрами, идущими в ногу с жизнью, в эти годы, были — «Новый Драматический Театр В. Ф. Комиссаржевской» в Петербурге и Художественный — в Москве.

Бытописатель театра Ф. Ф. Комиссаржевский пишет: «Вера Федоровна окружила свой театр авторами сборников «Знание».

А историк Московского Художественного театра сообщает: «Стоило побывать на юбилее Чехова в Москве (17 янв. 1904 г.) или на спектаклях Художественного театра в Петербурге, чтобы ясно установить связь театра Горького и Чехова с той бушующей волной, которая разносит по всей России зелененькие книжки «Знание» и голубые обложки «Мира Божьего».

В эти годы перестроили свой репертуар и частные театры. В Москве у Корша шли те же пьесы; провинция, равнявшаяся по Коршу, не отставала от столицы.

Даже императорские театры, «повинуясь не требованию начальства, а духу времени» ставили «либеральные» пьесы — «Авдотьяна жизнь» С. А. Найденова и «Мастер» Бара.

Во второй половине октября и в ноябре 1905 г. почти во всех театрах во время спектаклей происходили демонстрации, по неделям театры стояли закрытыми. Часто театральные залы избирались местом террористических актов, направленных против административных генералов. Полиция, наводняла театры в переодетом и «мундирном» виде.

Направо и налево сыпались запрещения пьес, отдельных спектаклей и гастролей.

Начиная с постановки в Петербурге «Мещан» МХТом с городовыми, переодетыми капеляднерами, и кончая десятками запретов «Дачников», «Детей солнца», «Евреев», можно видеть, как театр этих лет сильно тревожил полицию. Бывали случаи сплошного курьеза. Например, в одной пьесе, шедшей в театре Комиссаржевской, было запрещено произносить слово — «гражданин». Свирепость цензуры доходила до того, что, например, в том же театре, в пьесе Гейрманса «Гибель Надежды», последний акт, изображающий народный бунт, был так процензурован, что вызывал одно недоумение...

В стремительном потоке общего революционно-го под эма актерство возвысило свой голос за улучшение театрального дела и за свои профессиональные права. В особой записке, подписанной сотнями сценических деятелей и обращенной к правительству, говорилось:

«В знаменательные дни, переживаемые нашей родиной, русские театральные писатели и сценические деятели сознают нужным сказать правдивое слово о положении русского театра, которому принадлежат их помыслы, чувства и существование. Тягостно положение русского театра в настоящее время, случайна и беззащитна его деятельность, печальны экономические условия его жизни, вне всякой правовой охраны и твердых начал законности. Театр испытывает цензурный гнет в неизмеримо большей степени, чем литература. В то время, как литература и погрешенная печать имеют хотя некоторую возможность отзываться на большие вопросы современности, театр, в этой дорогой для него задаче, обречен почти на полное молчание. Разрешение пьес опирается на совершенно произвольные основания, при чем, по установившейся в

Театр в 1905 году

В. Ф. Комиссаржевская в роли Лизы в пьесе «Дети солнца»

последние годы практике, дозволение пьесы какому-либо лицу или театру отнюдь не открывает пьесе свободного доступа на другую сцену, руководимую другим лицом. На ряду с цензурными строгостями, применяемыми учреждением драматической цензуры, театральные пьесы испытывают превратности судьбы от полицейской цензуры, снискающей без объяснения причин пьесы, уже разрешенные... Наконец, многие из народностей, входящих в состав русского государства, нередко лишены возможности слышать со сцены свой родной язык и видеть на ней изображение родного быта... Актер испытывает в большей, чем многие другие, убытатели Российской Империи, степени всю необеспеченность и неустановленность его прав. Известны случаи высылки актеров по самым прихотливым поводам, отбирание же у актеров «видов на жительство» практикуется в провинции как бы в качестве «меры предупреждения и пресечения преступлений»... Гнет, испытываемый русским театром, не только препятствует ему выполнить с честью и достоинством свое культурное служение стране, но и разоряет его экономически, подавляет его нравственно, ставя и сценического деятеля и театрального писателя в подчиненное, как бы поднадзорное состояние»...

Таким образом, если, по выражению В. И. Ленина, 1905 г. был генеральной репетицией Великого Октября в политическом отношении, то в театре, 1905 год был первой волной, сметающей одряхлевшие традиции оперно-балетных форм и патристического содержания дворянского театра, был первой страницей борьбы актерской громады за свои правовые и профессиональные интересы.

Мих. Прыгунов.